

О старом директоре Е Фэнцю Чэнь Чжаохуэй рассказал им лишь в общих чертах, но тот действительно был человеком исключительной доброты. Сам Сяо Чэнь с Лу Чанхуа знаком был плохо. Когда-то давно Лу Чанхуа был всего лишь иногородним ребенком, которому старый директор помогал деньгами, и только после смерти дочери Е Фэнцю усыновил его.

— Что-то тут не так, — возразил Чжай Чэнь, сидевший на диване и слушавший эту историю. — Сколько лет тогда было этому Лу Чанхуа? Какое еще усыновление? Тут же понятно, что ради наследства.

Хотя и наследовать-то особо было нечего, но законным наследником должен был стать их Тяньцы. А теперь что? Мальчик даже не знает, где похоронен его дедушка, а дом, в котором жила его мама, занял какой-то взявшийся из ниоткуда названный дядька. Ладно бы этот новоявленный дядюшка оказался приличным человеком, так ведь нет — дрянь редкостная.

— Ему тогда, кажется, было лет семнадцать. Еще несовершеннолетний, — Сяо Чэнь, который все еще числился провинившимся сотрудником и ждал решения по своему делу, не мог участвовать в допросах. Поэтому Чжай Чэнь притащил его к себе просто поговорить.

— Что? Он выглядит как старик, а ему всего тридцать два? — недоуменно воскликнул Чжай Чэнь. — Мне вот двадцать восемь, и я в самом расцвете сил. Не могу же я за четыре года превратиться в такое пугало?

Простодушный Сяо Чэнь не нашелся что ответить и смущенно замолчал.

Гао Юйшэн, сидевший рядом с Чжай Чэнем и отправлявший электронное письмо с телефона, не поднимая головы, невозмутимо заметил:

— Ты отличаешься от остальных. Тебе всегда восемнадцать.

Чжай Чэнь расхохотался. Закинув руку на спинку дивана за плечами Гао Юйшэна, он шутливо ущипнул его за ухо:

— Ну ты и подлиза! А ты хоть видел меня в восемнадцать лет?

Сяо Чэнь откашлялся:

— Может, вы сами тут поболтаете? А я пойду объяснительную писать.

— Да ладно тебе, не уходи, рассказывай дальше, — не пустил его Чжай Чэнь. — Если старый директор Е был хорошим человеком, как же он воспитал такого мерзавца?

— Хороший человек... И что хорошего видят эти хорошие люди в конце жизни? — в допросной Лу Чанхуа запустил обе руки в волосы. — Не будь я хорошим человеком, разве я бы так быстро постарел? Мне всего тридцать два года.

Он зачесал назад седеющие пряди, открывая лицо. Оно не было старым, но глубокие морщины на лбу и побелевшие виски придавали ему изможденный, возрастной вид.

— Вы — хороший человек? Ну, тогда мне пора вручать Нобелевскую премию мира, — скривился Сяо Ма, который вел протокол. Его и без того вытянутое лицо сделалось еще длиннее.

— Когда старик умер, он оставил после себя полный развал. Субсидии у приюта крошечные, а

детей-инвалидов и тяжелобольных — прорва. Но старик наотрез отказывался экономить, хотел кормить их только лучшим, вот расходы постоянно и превышали доходы, — рассказывая об этом, Лу Чанхуа горько усмехнулся.

Сяо Ма хотел прервать эти излияния не по делу, но Фан Чуян остановил его жестом, показывая, чтобы подозреваемый продолжал.

— Местные при усыновлении не платят ни гроша. А иностранцы по закону вносят пошлины и сборы. Вы хоть представляете, сколько всего можно купить на эти деньги? Лекарства, которые не покрываются страховкой, игрушки, оплата сиделок для парализованных детей — на все нужны средства! Конечно, я отдавал предпочтение иностранным усыновителям. Что в этом плохого? — Лу Чанхуа говорил не спеша, ровным тоном, сохраняя скорбное выражение лица, словно искренне пекся о благе приюта.

— Против законного усыновления никто и слова бы не сказал. Но разве у вас все шло по закону? Хватит зубы заговаривать, говори по существу! — Сяо Ма больше не мог это слушать. Его тошнило от одной этой лицемерной физиономии.

Лу Чанхуа холодно усмехнулся:

— Вы же видели Сысы? Вы хоть спросили ее, какой жизнью она хочет жить? Вы, полицейские, каждый год проводите рейды по борьбе с торговлей детьми. Спасаете их, но вместо того чтобы нормально искать биологических родителей, просто спихиваете в наш приют. Вырываете ребенка из приемной семьи, а из-за бюрократических ограничений другие люди их усыновить не могут. И это, по-вашему, доброта? Они ведь совсем маленькие, им нужна родительская любовь.

Таких, как Сысы, каждый год прибывало немало. Проданные собственными родителями, отобранные полицией у тех, кто их купил, они были вынуждены влачить полуголодное существование в приюте.

— Это не приемные родители, а покупатели, — холодно поправил его Фан Чуян.

Обычно на таких допросах Фан Чуян играл роль «плохого полицейского», а Сяо Чэнь или Сяо Чжан — «хорошего». Но сегодня тех двоих не было, а вспыльчивый Сяо Ма то и дело срывался, так что Фан Чуяну пришлось взять на себя роль хладнокровного следователя.

Сяо Ма, который на мгновение чуть было не поддался этому красноречию, со всей силы грохнул ладонью по столу:

— Да не вешай ты мне лапшу на уши! Ладно Сысы сирота, а Яояо? У нее есть и отец, и мать, семья обеспеченная! А ты взял и продал ее за границу.

— У меня в детстве тоже были родители, но я жил хуже собаки. Что плохого в том, чтобы сменить семью? Городские дети за границей тоже устроятся, возможно, даже лучше, чем здесь. А эти сироты-инвалиды без копейки за душой даже прокормиться не могут, им выжить трудно. Мой способ позволял всем жить хорошо. Почему бы и нет?

Лу Чанхуа говорил с праведным пафосом, искренне веря в собственную правоту.

Его самого когда-то усыновили, и только благодаря приемному отцу он начал жить по-человечески. Он продолжил дело отчима, не щадя сил управлял приютом, искал любые способы заработать, чтобы дети были сыты и одеты, чтобы оставались деньги на обучение

ремеслу и игрушки. В его собственных глазах не было человека благороднее него.

— Тьфу! — не выдержал Фан Чуян. Он кивнул Сяо Ма, чтобы тот зафиксировал признание в торговле детьми. — Твоя роскошная вилла — это тоже игрушка для сирот? Продавая детей по неофициальным каналам, ты хоть знаешь, кому они попадают — людям или чудовищам?

Лу Чанхуа осекся и замолчал.

Сяо Ма с пунцовым от гнева лицом вышел из допросной. Он велел Сяо Чжану отвезти детей обратно в приют, залпом осушил кружку холодной воды и уже собрался вернуться назад.

Чжай Чэнь поддразнил его:

— Сяо Ма, ты чего так покраснелся? Прямо не Сяо Ма, а настоящий Красный Заяц.

— Брат Чэнь, не издевайся! Меня этот ублюдок сейчас до кондрашки доведет. Он заявляет, что он хороший человек! Да чтоб его! — Сяо Ма в ярости ворвался обратно в допросную и с грохотом захлопнул дверь.

Сяо Чжан вывел Сысы и еще пятерых ребят из комнаты для допросов. Следом за ними, преданно заглядывая в глаза, шел Арчи:

— Можно мне поехать с вами в приют?

— Господин Арчибальд, я обязан вам кое-что сообщить, — Сяо Чжан не разрешил Арчи поехать с ними и сразу обрисовал ситуацию, надеясь, что тот поскорее оставит эту затею. — Сысы — похищенный ребенок, которого мы спасли. Пока мы точно не установим, что ее биологические родители мертвы, вы не сможете ее удочерить.

Арчи растерялся и с надеждой посмотрел на Гао Юйшэна.

— Он говорит правду, — Гао Юйшэн поднялся и перевел слова полицейского на английский, чтобы другу стало понятнее.

— О нет! — воскликнул Арчи.

Стоявшая рядом Сысы слушала их, и в ее глазах заблестели слезы. Немой легонько потянул ее за руку, помогая сдержаться. Девочка шмыгнула носом:

— Брат Сяо Сун, директора арестовали... Значит, ты теперь не сможешь учиться на компьютере?

Немой очень любил компьютеры. В свое время Лу Чанхуа обещал отправить его учиться программированию и даже отложил деньги на оплату. Сысы была еще слишком мала и не знала слова «программирование», понимая это просто как «учеба на компьютере».

Немой покачал головой и увлек девочку за собой в машину Сяо Чжана. Сысы оглянулась на Арчи. Слезы, копившиеся в глазах, все-таки покатались по щекам, и она помахала ему на прощание маленькой ладошкой.

— О боже, мое сердце разрывается, — Арчи прижал руку к груди, едва не плача от жалости.

— Вообще-то, можно направить силы на расследование. Если родителей действительно не найдут, ребенка признают брошенным, и тогда его можно будет усыновить, — неторопливо

подошел Чжай Чэнь и похлопал иностранного гостя по плечу. В глазах Арчи вспыхнула надежда, но Чжай Чэнь тут же добавил: — Только дело это крайне ответственное, просто так такое решение не выносят. Вдруг родители объявятся? Тому, кто подписал бумаги, придется отвечать.

— Ее же собственные родители и продали. Даже если вернуть им девочку, они опять ее продадут, — негромко произнес Чэнь Чжаохуэй.

Только теперь Арчи уловил суть происходящего и возмутился:

— Собственные родители продали?! Да их нужно немедленно лишить родительских прав! Зачем вообще их искать и ждать?

Сяо Чэнь не знал, что на это ответить, поэтому просто развернулся и ушел дописывать свою объяснительную.

Гао Юйшэн вывел совершенно растерянного друга из здания управления. Помня, что ему еще понадобится помощь этого парня с починкой часов, он решил его подбодрить:

— Я попрошу своих людей навести справки. Посмотрим, можно ли найти основания для признания девочки сиротой.

— Это было бы чудесно! Спасибо тебе огромное, мой друг, — Арчи схватил Гао Юйшэна за руку и потянулся обнять его, но Чжай Чэнь двумя пальцами бесцеремонно отпихнул его в сторону.

<http://bllate.org/book/18293/1757236>